

МУЖСКОЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС И ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ¹

Проблема воссоздания костюма эпохи бронзы далека от своего разрешения, хотя период изучения погребальных объектов андроновской культурно-исторической общности имеет длительную историю. И если реконструкции женской одежды посвящено значительное количество работ, в том числе и обобщающих (Куприянова, 2008; Усманова, 2010), то данные о мужском костюме немногочисленны, отрывисты и противоречивы. Анализируя материалы всего массива андроновских комплексов степной зоны, относящихся к различным культурным традициям, можно констатировать, что одежда мужчин и в быту, и в погребальной практике практически не украшалась. В результате реконструировать отдельные детали мужского костюма можно только на уровне гипотез с привлечением данных, известных по этнографическим источникам более позднего времени (Кузьмина, 1994, с.159-162).

Единственным полностью исследованным погребальным объектом эпохи бронзы в степной зоне Центрального Казахстана является могильник Майтан, на котором получена представительная коллекция вещевого инвентаря, позволяющая воссоздать многие стороны жизнедеятельности древнего населения региона на репрезентативном уровне. В пределах памятника согласно половозрастным определениям исследовано более 40 захоронений, содержащих погребения мужчин (29,3%), относящихся к категории «взрослых» (Ткачев, 2012, с. 220, табл. 1). Значительная их часть обнаружена не в индивидуальных, а в парных захоронениях, содержащих совместные погребения мужчин и женщин. Несмотря на смешанный характер вещевого инвентаря разнополых захоронений, полученные данные позволяют выделить вещевой комплекс, связанный с мужской частью погребенных.

Особую роль в погребальной обрядности данного памятника, характеризующую общественную и хозяйственную деятельность мужчин, играют захоронения лошадиных туш или их отдельных частей. В оградах могильника обнаружены одиночный и три пары конских костяков, а также отдельные головы и кости ног, впущенные в ямки возле могил или плит ограждения. Сравнительный анализ показал индивидуальность и неповторимость всех конских захоронений. На одном из костяков отмечены остатки сбруи, сохранившейся в виде костяных щитковых псалиев (огр. 29В, мог. 1), свидетельствующие не только об использовании лошадей в качестве жертвенного животного, но и о широком их применении в повседневной хозяйственно-бытовой деятельности.

Необходимо отметить, что захоронения лошадей широко распространены в погребальной практике индоевропейских народов (Кузьмина, 1977). Вопрос о месте и времени доместикации лошади остается остро дискуссионным, но значительный период, прошедший со времени ее одомашнивания², позволяет предположить использование алакульско-атасускими пастухами костяных псалиев не только для колесничной запряжки, но и для управления верховой ездой. Косвенным подтверждением данному предположению является отсутствие в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект 0624 ГФ «Культурогенез населения Казахстана эпохи бронзы и раннего железного века».

² Начальный этап одомашнивания лошади соотносят с концом V – началом IV тыс. до н.э. (Кузьмина, 1977, с. 29).

алакульско-атасуских погребальных комплексах остатков колесниц. Кроме того, по мнению исследователей, для управления верховой лошадей при выпасе табуна или стада домашних животных достаточно ремennого или веревочного недоуздка (Кузьмина, 2010, с. 38; Новоженев, 2012, с. 194). В то же время, как считает В.А. Новоженев, «развитие всадничества сдерживал устойчивый стадный инстинкт лошади, преодоление которого требовало длительной селекции» (Новоженев, 2012, с. 194). С данным положением трудно согласиться. Если за два предшествующих тысячелетия использования лошади ее стадный инстинкт не смогли преодолеть, то как быть с результатами исследований большинства ученых, которые указывают на весьма широкое распространение всадничества в постандроновское время — в период поздней бронзы. Более того, трудно представить, что конский табун, коровье стадо или овечью отару можно пасти с использованием конной двуколки в условиях сложного степного рельефа Казахского мелкосопочника или горно-степного ландшафта Южного Урала. К тому же, вступает в определенное противоречие с вышесказанным и предположение В.А. Новоженева о том, что уже в доандоновскую эпоху степное население обладало монополией на селекцию, разведение и поставку обученных лошадей (Новоженев, 2012, с. 194-195).

Скорее всего, степное население для управления верховой лошадей использовало как простые удила, так и более сложные, составной частью которых являлись костяные псалии, о чем свидетельствуют данные о колесницах в синташтинских, петровских и нуртайских комплексах. Вероятно, алакульско-атасуское время является переходной эпохой от колесниц к всадничеству — остатки колесниц перестали использовать в погребальном обряде, заменяя имитацией из парных лошадиных костяков. Одиночные лошадиные костяки, иногда в сопровождении костяных псалиев, подчеркивающих индивидуальный характер упряжи, свидетельствуют о зарождении всадничества и использовании лошади не только для выпаса скота, но и ведения верхового конного боя.

Составной частью мужского вещевого комплекса являются предметы вооружения, широко представленные ножами-кинжалами. Особо необходимо отметить наличие бронзового листовидного копья с несомкнутой втулкой (огр. 48, мог. 1), насаженного на короткое древко длиной 90 см. Копье украшал амулет — подвеска из резцового зуба лошади, закрепленная в отверстии у основания древка при помощи кожаного ремешка. находка наступательного оружия на коротком древке подтверждает наличие всадничества. В пешем бою использовать данный тип вооружения достаточно сложно, зато в конном контактом сражении короткое копье являлось весьма эффективным оружием. В качестве опоры для ног в таком бою могли служить обычные ремennые петли, значительно усиливающие эффективность оружия.

Оружием дистанционного боя в пешем и конном сражении являлись лук и стрелы (Ткачев, 2012). Символом военного и, возможно, гражданского руководства андроновскими коллективами выступали булавы, редко встречающиеся в захоронениях андроновской эпохи, но, тем не менее, одно такое изделие обнаружено в разграбленном мужском захоронении (огр. 35, мог.).

Своеобразным вещевым инвентарем, сопровождающим погребения мужчин, являются костяные трубочки с боковыми отверстиями (огр.27А, мог. 1; 29А, мог. 1; огр. 31, мог.). Интересно, что во всех случаях данные предметы обнаружены в могилах, содержащих парные разнополюе захоронения. Несмотря на определенные различия в размерах, костяные изделия типологически близки между собой. К сожалению, местоположение трубчатых изделий в погребальном пространстве не определено, вероятнее всего они принадлежали мужскому погребальному инвентарю и являлись составными частями музыкального

инструмента типа свирели, сопровождавшего воинов и пастухов в различных жизненных ситуациях.

Важной принадлежностью мужского вещевого комплекса воина и пастуха при господстве скотоводческого хозяйства был кнут, необходимый для управления колесницей и верховым конем как в бою, так и при выпасе стада. Остатки данных изделий не отмечены в андроновских комплексах, изготовлявшихся и в древности, и сегодня в основном из нестойких материалов. Однако, в одном из захоронений могильника Майтан (огр. 50А, мог. 1) мужчину сопровождало костяное изделие, которое по внешнему виду и оформлению можно рассматривать как навершие ручки камчи³ (рис. 1). Согласно представлениям многих скотоводческих народов, плетень (камча) считалась главным оружием воина-всадника. Пропитанная обычно конским потом, она являлась его оберегом, к которому боялась приблизиться любая потусторонняя нечистая сила (Токтабай, 2004, с. 6).

Таким образом, основной мужской вещевой комплекс включал предметы вооружения и престижный инвентарь, которые лишь косвенно позволяют говорить об особенностях одежды воина-скотовода.

Основная часть захоронений мужчин разграблена, а сохранившиеся погребения обычно не содержат на костях скелета сопровождающего инвентаря. Как исключение могут рассматриваться пряжки из раковин и кости, которые, несмотря на определенную вариабельность, могут считаться типичной принадлежностью мужского костюма, причем костяные пряжки чаще использовались для закрепления отдельных деталей одежды, а изготовленные из раковин, являлись основой поясной гарнитуры. Для изготовления поясных пряжек использовались массивные и толстостенные раковины, их характерной особенностью является наличие крупного округлого отверстия в центре изделия и небольшого овального — в замковой части. Пряжки из раковин широко представлены в мужских захоронениях алакульских могильников Зауралья, Притоболья, Западного и Северного Казахстана — Ново-Аккермановка (Подгаецкий, 1940, с. 73, рис. 8), Тасты-Бутак (Сорокин, 1962, с. 23, табл. XXXIX: 17), Кулевчи VI (Виноградов, 1984, с. 147, рис. 9: 45), Хрипуновский (Матвеев, 1998, с. 148, рис. 54: 15), Семипалатное (Зданович, 1988, с. 105, рис. 4: 4). Широкое распространение данного вида изделий позволяет предполагать и сходство основных черт мужского костюма в разных регионах андроновской ойкумены.

Материальных остатков обуви не зафиксировано, но в одном из захоронений на щиколотках мужчины прослежено по четыре низки бронзовых бус, расположенных параллельно костям голени и служивших украшением кожаной обуви погребенного (огр. 48, мог. 1). Предположительно они были нашиты на голенища невысоких сапог, высота которых достигала 15–20 см (рис. 2). Вероятно, сапоги, имевшие форму широкого раструба, закреплялись на ноге при помощи неорнаментированных завязок и имели сходство с остатками кожаных изделий, обнаруженных в могильнике Исеней (Куприянова, 2008, с. 100-101, рис. 65: 2). Остатки меховой и кожаной обуви отмечены в могильниках Орак (Комарова, 1961, с. 50), Пристань I (Максименков, 1978, с. 14), Кулевчи VI (Виноградов, 1984, с. 145-146). Упоминается наличие кожаных сапог и в могильнике Гумугоу, где отмечены захоронения, содержащие и погребения людей андроновского антропологического типа (Кузьмина, 1994, с. 241). По мнению Е.В. Куприяновой, кожаные сапоги с передним разрезом без застежек являлись характерной обувью мужчин и женщин,

---

³ Камча (тюрк.) – нагайка, плетень или кнут.

но у последних подвязки иногда украшались нанизанными или пришитыми к ним бусами (Куприянова, 2008, с. 102).

Для изготовления и пошива предметов одежды андроновское население использовало войлок, мех, кожу и шерстяные ткани, которые могли сшивать нитями из шерсти, сухожилий и кишок (Сальников, 1951, с. 138). Собираательный образ внешнего вида андроновских мужчин — воинов и пастухов (рис. 3) — связан с использованием распашной одежды типа кафтана и брюк, головными уборами служили шапки и колпаки с коническим верхом, связанные из шерсти или сшитые из кожи (Кузьмина, 1986, с. 98-99). Характерной особенностью мужского костюма является практически полное отсутствие на нем украшений. Основным компонентом, объединяющим мужской костюм в единое целое, служила сложная система завязок из веревочек и ремешков, использовавшихся для закрепления и фиксации его на теле. Большое значение в жизни мужчины имели конь, предметы вооружения (ножи, копья, лук и стрелы) и престижный инвентарь (булавы, плети), к которому относились и пряжки, являющиеся исключительной принадлежностью мужского костюма.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 136-153.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988. – 184 с.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. – 1961. – Вып.3. – С. 32-73.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье – М., 1977. – С. 28-52.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986. – 134 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. – М., 2010. – 210 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Урала и Казахстана). – Челябинск, 2008. – 244 с.

Новоженков В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М., 2012. – 500 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998. – 417 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978. – 190 с.

Подгаецкий В.П. Могильник эпохи бронзы близ г. Орск // МИА. – 1940. – № 1. – С. 69-82.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 94-151.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. – 1982. – № 120. – 207 с.

Ткачев А.А. Оружие дистанционного боя андроновского населения Центрального Казахстана (по материалам могильника Майтан) // Археология и история Сарыарки. – Караганда, 2012. – С. 48-62.

Ткачев А.А. К проблеме палеодемографии атасуского населения Центрального Казахстана // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2012. – С. 219-222.

Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы, 2004. – 124 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. – Караганда-Лисаковск, 2010. – 176 с.

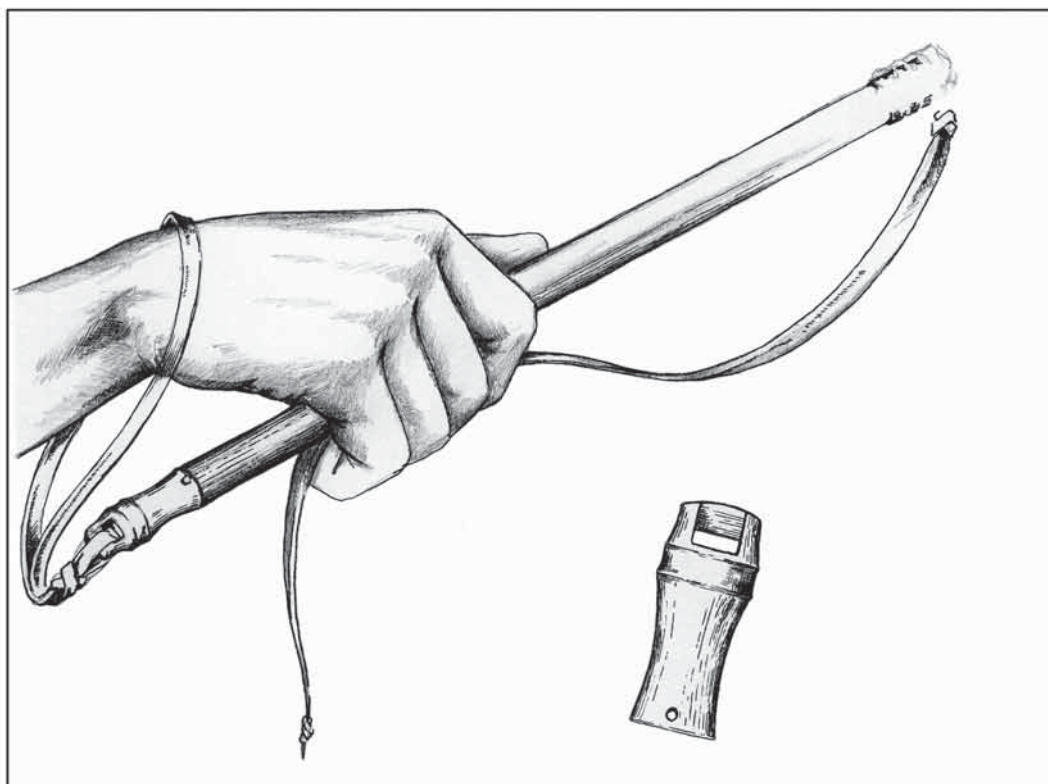

Рис.1. Могильник Майтан. Ограда 50А, могила 1. Реконструкция камчи.
(художник Д.А. Белоногов)

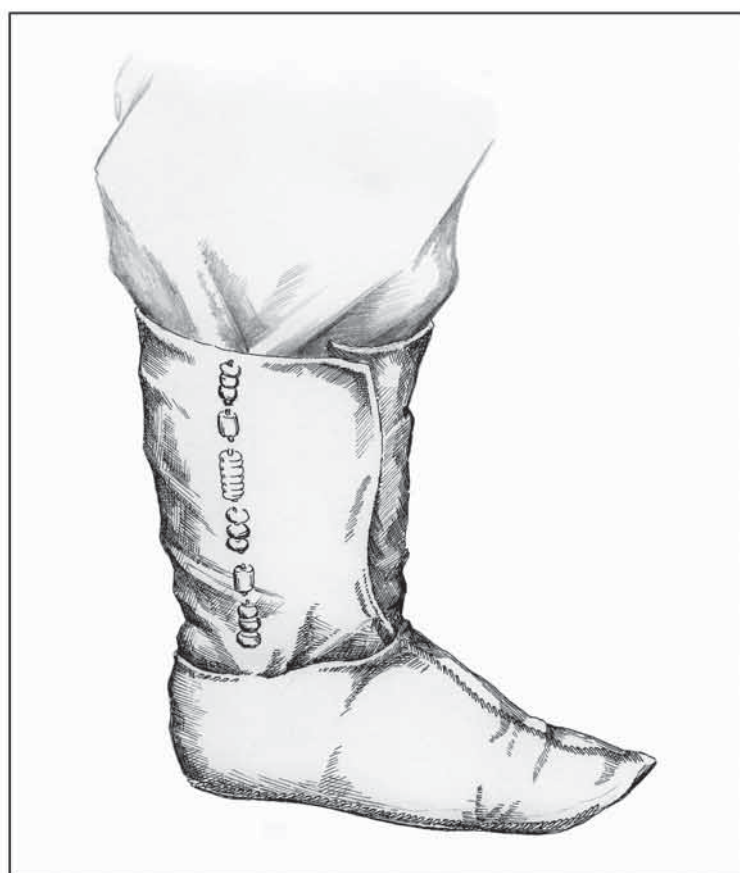

Рис.2. Могильник Майтан. Ограда 48, могила 1. Реконструкция кожаной обуви.
(художник Д.А.Белоногов)

Рис.3. Могильник Майтан. Внешний вид мужского костюма.
(художник Д.А. Белоногов)